

ПРОШЛОЕ МОЖЕТ ОБЪЕДИНИТЬ

Александр Даниэль

Александр Даниэль — историк, правозащитник, руководитель исследовательской программы «История инакомыслия в СССР», член правления Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

Какая политика исторической памяти правильна для России в ее отношениях с соседями: политика «отдачи долгов» или политика «непризнания долга»? Да ни та, ни другая, по моему. Сама терминология представляется мне ложной в своей основе. Она предполагает, что кто-то кому-то задолжал, и этот долг требует возврата. Кровь становится валютой, с помощью которой государства, правительства пытаются вести свои расчеты. Одна сторона себя объявляет жертвой, сиречь кредитором, а другую сторону — своим должником. Противоположная сторона истошно вопит, что она никому ничего не должна, потому что от нее ни один сосед ничего, кроме ласковостей, не видел, а всякое напоминание о противоположном — черная неблагодарность и ничего больше.

Гражданскую нацию невозможно построить ни на объявлении себя жертвой, ни на признании себя палачом, ни на провозглашении себя вечным благодетелем всех соседей. **Историческая память — это гражданская ответственность, опрокинутая в прошлое**, это представление о том, что «мы» не начинаемся с рождения нынешнего поколения, что мы наследуем и продолжим дела предыдущих поколений. Понятие гражданской ответственности за прошлое и понятие коллективной исторической вины — совсем разные вещи. Виною можно перебрасываться, как мячиком; вину можно отвергнуть — и забыть о ней; наконец, в вине можно покаяться — и, опять-таки, о ней забыть. Ответственность за прошлое — это добровольно и индивидуально взятая на себя членом некоего сообщества обязанность осознать это прошлое, принять его как свое собственное и постоянно работать с ним, осмыслять его («о-смысл-ять», то есть, вносить смыслы) вновь и вновь. У этой работы нет конца: каждое новое поколение должно проделывать эту работу для себя — и не по понуканию соседей, а по собственной доброй воле. Только тогда слово «мы» приобретает историческое измерение, только тогда у нации возникает перспектива общего будущего, только тогда она становится, согласно Николаю Бердяеву, «обобщенной исторической личностью» в кругу других наций.

На самом деле политика исторической памяти в России отсутствует. В 1990-е она отсутствовала вовсе; с начала 2000-х она сводится к тому, что политические лидеры время от времени начинают огрызаться на соседей, предъявляющих России тот или иной счет. И то, и другое — бесплодно. Бесплодна политика предъявления счета,

бесплодна политика погашения счета (эти долги не могут быть погашены, потому что это, прежде всего, наши долги перед самими собой), трижды бесплодна политика отрицания долга перед прошлым.

Что касается нашего сегодняшнего диалога с народами Восточной Европы (не с правительствами, — Бог с ними, с правительствами! — а с народами), то здесь мы сталкиваемся с тем, что у разных народов разные образы прошлого. Почему-то мы от этого факта склонны впадать в истерику и кричать о «неблагодарности», «фальсификациях» и тому подобных вещах.

На самом деле, о фальсификациях можно говорить, когда искажаются, замалчиваются или отрицаются очевидные, сто раз доказанные факты. Например, когда какой-нибудь субъект отрицает существование нацистских лагерей смерти. Или утверждает, что катыньский расстрел — дело рук гестапо, а не НКВД.

Установление фактов, проверка их достоверности — дело профессиональное, этим занимаются историки. Иное дело — **образы прошлого, складывающиеся в массовом сознании**; они строятся на интерпретации фактов, на их оценке. Интерпретации и оценки одних и тех же фактов, естественно, могут быть разными. Все зависит от контекста, в котором эти факты рассматриваются.

Например, вступление советских войск в Прибалтику в 1944 году. В нашей национальной памяти это эпизод Великой Отечественной войны, то есть нашей войны против иноземных захватчиков; в другом контексте, тоже не чуждом нашему национальному сознанию — это эпизод Второй мировой, войны человечества против нацизма. В первом контексте боевые действия в Прибалтике попадают в один ряд с боями в Сталинграде, на Курской дуге, на Одере и т.д. Неважно, где это было — это все была война с немцами. Во втором контексте — это Эль-Аламейн,

Гуадалканал, тот же Сталинград, высадка в Нормандии, «встреча на Эльбе».

А вот для литовцев, эстонцев, латышей 1944 год – это не столько конец трехлетней нацистской оккупации, сколько возвращение оккупантов 1940 года. Тех, кто растоптал независимость страны, учинил постыдную комедию «народного волеизъявления» о «добровольном» вхождении в Союз и в течение одного дня 14 июня 1941 года отправил в сибирскую депортацию и в лагеря тысячи семей, в том числе женщин, стариков, грудных младенцев (всего около 36 тысяч человек).

Плюс к тому, в память ведь включается и то, что было позже: советизация, насильственная коллективизация, жестокое подавление партизанского сопротивления, новые массовые аресты и новые депортации (только в 1948–1949 из трех крохотных прибалтийских республик было отправлено на спецпоселение в Сибирь почти 140 тысяч человек).

Поэтому в нашей памяти события 1944 года окрашены в положительные тона: это один из победных эпизодов в освободительной борьбе. А для литовцев, латышей и эстонцев эти события попадают, прежде всего, в контекст предшествовавшего и последовавшего советского террора, в контекст того, что они сегодня называют «третьей оккупацией».

Кто прав? Этот вопрос бессмыслен. Наша память не лжет – но и их память тоже не лжет. Как быть? Прежде всего, признать, что путь обвинений бесплоден, он ведет к разъединению и тупику. Затем – **принять разность национальных памятей как данность**. Мы не должны подменять нашу национальную память чужой, но мы должны уважать эту чужую память, знать и понимать причины того, что у других народов складываются существенно другие образы прошлого, чем у нас. Если угодно, мы должны, не отступаясь от нашей национальной памяти, обогатить ее знанием об иных интерпретациях.

Наши соседи-прибалты тоже должны знать и понимать специфику нашей памяти, и, оста-

ваясь при своем восприятии исторических событий, уважать особенности нашего национального сознания. **Должен быть диалог национальных памятей, и он должен быть взаимоуважительным**. Тогда и различия будут работать не на разъединение, а на

сближение народов.

При всем разбросе исторических контекстов, есть, пожалуй, один, главный, объединяющий все народы Восточной Европы: **память о терроре**. Сегодня многие наши соседи помнят одно: пришла Россия (для них что Россия, что Советский Союз – одно и то же) и учинила в нашей стране массовые убийства, принесла гибель и горе тысячам семей. То, что Россия сама больше всех других стран пострадала от этого самого террора, осознают немногие. И это понятно: **многие ли сегодня в России отчетливо понимают, что советский государственный террор был национальной катастрофой, прежде всего, для самой России?** Правительственная политика памяти (если это можно назвать политикой) в связи с подобными обвинениями, исходящими из-за рубежа, может только укрепить это непонимание.

Возьмите реакцию разного рода начальства – МИДа, Думы и прочих – на июньскую резолюцию ОБСЕ по поводу памяти о советском терроре, по сути, крайне пророссийскую. Вместо того, чтобы сказать европейцам: «Спасибо за то, что вы воспринимаете нашу национальную трагедию как общеевропейскую; мы в нашей стране работаем с этим прошлым, делаем то-то и то-

то; давайте теперь работать вместе, раз вы, наконец, поняли, что это не только наша проблема» – мы начинаем истерически искать в этой резолюции антироссийский подтекст. То есть, укрепляем представление, и так избыточно существующее у наших соседей, что субъектом террористической

политики, его источником является Россия, – то-то она так болезненно реагирует на любые разговоры на эту тему, – а остальные народы Восточной Европы только жертвы этой злодейской страны. Фактически реакция российской политической элиты на эту резолюцию – это свидетельство того, что в ее, элиты, историческом сознании коммунистический режим и Россия тождественны.

Характерны попытки обвинить авторов резолюции, что они ставят на одну доску советский и нацистский режимы. Дело не в том, насколько эти режимы тождественны, а насколько различны. (В чем-то они очень похожи, в чем-то непохожи – это предмет отдельного анализа). Дело в том, что смысл этих обвинений, хотя того обвинители, или нет, в том, чтобы реабилитировать советскую террористическую политику, доказав миру, что наши палачи были лучше, добрее, гуманнее гитлеровских. На этой убогой мысли можно разве выстроить «политику памяти»? Отсюда же и попытки объяснения массовых убийств «объективными историческими обстоятельствами», и даже провозглашение «исторической необходимости» террора. Все это выдается за объективный исторический анализ.

Спору нет, исторический анализ требует при рассмотрении любого явления и, в частности,

массовых преступлений, совершаемых государственной властью, учитывать исторический контекст. Однако, учет этого контекста и апология преступлений — совсем разные, даже противоположные вещи. Объективный анализ гитлеризма не может не учитывать исторический контекст этого явления, но оправдывать историческим контекстом нацистский террор не позволит себе ни один серьезный немецкий историк, тем более, немецкий политик. И вы не найдете такого оправдания и, тем более, апологии террора ни в одном немецком учебнике истории. А в российском — найдете.

Да, у обоих террористических режимов были свои особенности; да, преступления, которые они совершали против своего и чужих народов, различались в деталях. В геноциде народов, например, больше преуспел Гитлер; Сталин, хотя и практиковал тотальные депортации народов, но все таки не пытался организовать тотальное и целенаправленное физическое уничтожение каждого принадлежащего к ним индивидуума. В терроре, направленном против своего собственного народа Сталин, наоборот, оказывается бесспорным лидером. Но, повторяю, это — детали: к обоим режимам можно и должно применять общие критерии; оба эти режима — террористические и, следовательно, преступные. Резолюция ОБСЕ ставит их «на одну доску»? Правильно делает.

Почему-то в понимании критиков резолюции утверждение о преступности сталинского режима означает реабилитацию «нацистов и их пособников».

Почему?

Иногда на этот вопрос отвечают так: если коммунистический режим преступен, то вооруженное сопротивление ему легитимно; а послевоенное вооруженное антисоветское сопротивление состояло сплошь из коллаборационистов, сотрудничавших во время оккупации с гитлеровцами. Вот вам и реабилитация пособников нацизма.

Во-первых, это просто неправда.

Вооруженное антисоветское сопротивление в разных странах было устроено по-разному: в Литве, например, в него влилось множество подпольных антинацистских организаций, возникших в 1942–1944.

История бандеровского движения, известного как Украинская повстанческая армия (ОУН–УПА), тоже куда более сложная. Я не сторонник теории «войны УПА на два фронта», которую выдвигают сегодня некоторые украинские историки. По-моему, это упрощение: во время оккупации политика ОУН–УПА (во всяком случае, ее бандеровского крыла) несколько раз менялась: были и попытки соглашения с немцами, и боевые действия против них, и даже временные тактические соглашения с советскими партизанами. Были и позорные, кровавые страницы.

Например, Волынская резня 1943 года: партизаны УПА уничтожали польское население края. Сам Степан Бандера представляется мне не самым симпатичным персонажем украинской истории, некоторые программные документы ОУН тоже не вызывают симпатии. Но мы ведь говорим не о политической «надстройке» движения, а о причинах и движущих силах партизанской войны (со всеми ужасами, присущими любому партизанскому движению; я не склонен безоглядно героизировать любых партизан, как, впрочем, и напрочь отказываться им в героизме).

Ну, а польская Армия Крайова? Ее-то кто может обвинить в сотрудничестве с нацистами? (Впрочем, в совет-

ской историографии и такие обвинения встречались; ну, на то она и советская).

Если мы хотим разобраться во всех непростых узлах Второй мировой, то надо отказаться от упрощений. История боится простоты. Шла Большая Война — а внутри нее возникало множество отдельных, локальных войн. И каждая такая война была трагедией, со своим героизмом, со своими зверствами, каждая ломала судьбы вовлеченных в нее людей.

В любом случае, партизанские армии после 1944 года были не пронацистскими, а антисоветскими — из этого и надо исходить.

Можно ли эти малые войны ставить на одну доску с антинацистским сопротивлением? А почему, собственно, нет? И здесь, и там люди сражались за свободу.

В любом случае, тема антисоветского вооруженного сопротивления в странах Балтии, на Украине, в Польше должна стать предметом долгого, спокойного и непредвзятого международного диалога. Диалога историков — здесь масса неизученного и неосвоенного материала. Общественного диалога. Может быть, политического диалога. Такой диалог мог бы стать важной составляющей политики памяти. И пресловутой Комиссии по фальсификациям, недавно созданной при Президенте РФ, здесь делать нечего: она ведь собирается заниматься фальсификациями, «наносщими ущерб интересам

России». А рассуждения об ущербе и ожидаемых дивидендах — для России или кого бы то ни было — такому диалогу особенно опасны и противопоказаны. Это порочная идея, поскольку она подразумевает торг, создание «обменного пункта», в котором одни факты подменяются другими, а сложность истории отменяется.

Мой рефрен: **прошлое объединяет**. Прошлое — не только источник консолидации народов, но и почва для сближения между ними. Трагическое прошлое объединяет сильнее всего. И наша национальная политика памяти (которой нет — это мой второй рефрен) должна была бы строиться в первую очередь на осознании, освоении именно трагического прошлого.

Есть противоположная точка зрения, именно она последнее время в ходу: для воспитания нового поколения нам нужна «счастливая история», очищенная от кровавых пятен, необходимы фильтры, иначе все эти неудобные исторические темы приведут к необратимым и болезненным последствиям в молодежной среде.

Неправда! По нашей мемориальной работе с молодежью, со школьниками (через наш конкурс исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории: Россия, XX век» прошло за последние 10 лет около 20 тысяч школьников), я вижу, как именно на осмыслении трагедий прошлого вырастает у молодых людей историческое сознание, возникает ощущение личной причастности к национальной истории. И ведь мы не навязываем нашим школьникам тематику их исследований — они сами ее ищут и выбирают. Просто вся российская история XX века — это трагедия, трагедия шекспировского размаха. И

именно ее трагедийный характер способен собрать, реконструировать национальную идентичность.

На что может опираться та настоящая, честная и перспективная политика памяти, о которой я говорю?

Во-первых — на российскую культуру, в частности — на культуру советского периода, особенно литературу. Она отчетливо антисталинистская, эта литература, и не только в своей самиздатской ипостаси, но и в подцен-

зурной тоже: просто надо уметь ее прочесть. Во-вторых и в главных, — на реальную память, существующую и укорененную в народе. Кажется, что такой памяти в России нет — но это не так. Ее нет на уровне национальных институций: нет Музея террора, нет Национального мемориала его жертвам, нет школьных учебников, таких, где говорилось бы не только о жертвах, но и о преступлениях как таковых, и об организаторах этих преступлений — именно как о преступниках, а не только как о государственных деятелях. Куда-то на периферию национального сознания отодвинута память о сопротивлении режиму: о крестьянах-повстанцах, о социалистической оппозиции 1920-х, о внутрипартийном инакомыслии, о подпольных молодежных кружках 1940-1950-х, об ина-

комыслящей интеллигенции, о диссидентах 1960-1980-х.

Однако, эта память существует, в разобленном и фрагментарном виде, на уровне региональном. Ее хранители — музейщики, библиотекари, учителя, краеведы, архивисты. Естественно, такая фрагментированная и разрозненная, она не очень поддается осмыслению. Поэтому мы в «Мемориале» видим нашу задачу в том, чтобы реинтегрировать эту память, собрать это прошлое из региональных

осколков, выстроить из них широкую панораму национальной трагедии и предъявить ее массовому сознанию. У нас есть несколько таких «интегральных» проектов, которые довольно успешно выполняются. Есть серия CD-дисков «Список жертв государственного террора в СССР», построенных на объединении книг памяти, изданных в ряде российских регионов; в последнем издании этого диска содержится около 2 800 000 имен — это, конечно, лишь небольшая часть полного перечня жертв, около 20 процентов по нашим подсчетам. Есть проект «Виртуальный музей ГУЛАГа» — это попытка собрать в едином виртуальном пространстве материальные свидетельства о терроре, хранящиеся в музеях России; сейчас в коллекции про-

екта собраны материалы экспозиций и фондов около 120 музеев. Есть и другие проекты аналогичного направления.

Конечно, без содействия федеральной власти превратить все эти проекты в «политику памяти» невозможно. Например, можно выстроить в Интернете «виртуальный музей» — но реальный музейно-мемориальный комплекс общенационального значения без участия правительства выстроить невозможно. Однако правительства планируют свою жизнь от выборов до выборов. Сроки планирования, которыми оперируют гражданские организации, гораздо длиннее. ■